

*Порядочная гата
для беспорядка*

Вот если бы Тасю спросили, легко ли быть дочерью олигарха? Вот кто-нибудь задал бы хоть раз такой вопрос! Легко ли быть... Все только делали круглые глаза и восхищались.

— Вот это да! Ничего себе! Волохов твой отец?! Офигеть можно! Он же такой богатый! Везет же некоторым! Да ты же счастливица, да ты же принцесса!

Таисия Андреевна Волохова поспорила бы, но вряд ли ее кто бы услышал.

Ее отец Андрей Владимирович Волохов, чья учеба и жизненное становление выпали на восьмидесятые, очень тонко почувствовал, что ему некуда вложить свой ум, свою смекалку, свой, извините, красный диплом о высшем экономическом образовании. В его голове были цифры и грандиозные планы, но привлек внимание он только криминальных структур, которые заметили гениального экономиста и предложили ему влиться

Матьяна Луцанцева

в не совсем законный бизнес. В это же время он нашел девушку, которая влюбилась в него и увидела в Волохове перспективного жениха, что-то, чего не видела в других парнях. Хотя и сам Андрей был красивым, статным парнем, он не сразу поверил, что такая красавица, как Ядвига, обратила на него внимание. Высокая, спортивная, улыбчивая, с точеной талией и дипломом «Физическая культура и спорт». В ее жилах текла четвертинка польской крови. Они поженились, еще не имея ничего, кроме чувств друг к другу, как многие пары в то время. Их брак оказался крепким и надежным. Трудно было бросить человека, с которым прожил десяток лет и с которым съел пуд соли. Они безмерно доверяли друг другу. Это была образцовая пара. Муж — умная голова, а жена — сила, поддержка и крепкий надежный тыл.

Андрей не подвел свою Ядвигу: в девяностые годы ему, молодому специалисту, предложили возглавить коммерческий банк. Тогда банки росли как на дрожжах, многие были полукриминальными, отмывали деньги, не совсем честно заработанные. Андрею Владимировичу хватило ума не развалить банк, по уши не увязнуть в криминале и выжить в то тяжелое время. Правда, два раза и его «мерседесы» от взрыва взлетали на воздух.

Родили они дочку Таисию и через полтора года сына Сашку. Денег хватало на всё и даже больше. Ядвига сначала трудилась в банке бухгалтером, она окончила бухгалтерские курсы, а родив двоих де-

Порядочная дата для беспорядка

тей, обустроилась в коттедже, уже построенном ее мужем в элитном поселке, где начали строиться начинающие коммерсанты, банкиры и бандиты с большой дороги. Больше она не работала, а стала примерной домохозяйкой, занимаясь воспитанием детей, их развитием, образованием. День детей был расписан по часам — иностранные языки, бассейн, спорт, кружки и секции.

Скоро у Ядвиги появились помощники по дому и хозяйству, а в жизни ее мужа возникли женщины, замещающие жену в постели. Так жили все обитатели их поселка. У мужчин с деньгами случались и сауны с проститутками, и официальные любовницы.

А вот Тася ненавидела всё это. Ненавидела отца, что он не участвовал в ее жизни, что откупался деньгами. Когда Тася была маленькой, она очень насмешила знакомых, спросив, почему на зеленых денежках нет портрета папы, потому что отец ассоциировался у нее только с этими бумажками. Она мучительно ненавидела отца из-за его нескончаемых девок, которых он и не скрывал, ненавидела мать, что та терпит его измены и делает вид, что счастлива и беззаботна. Тася не понимала, как можно так жить. Конечно, деньги в жизни матери решали очень многое, но превратиться в рабу, беспрекословно выполнять все прихоти мужа только для того, чтобы не потерять крышу над головой и полный холодильник, — вот этого она принять не могла. Она не уважала родителей, хотя жила за

Матьяна Луначева

их счет на полном обеспечении, но она дорого платила за это благополучие — постоянным унижением и лицемерием. Жизнь становилась всё труднее, книжные понятия путались в голове у Тази с картинками той «элитной» жизни», которую она наблюдала в собственном доме каждый день, и ей порой казалось, что она потихоньку сходит с ума, так как с трудом начинала отличать белое от черного, живя в постоянной лжи.

Ее брат вел себя иначе. Он ни во что не ставил мать, понимая, что от нее в доме ничего не зависит, и что она — низшее звено в этой «пищевой цепочке». Он ей хамил, мог просто послать матом, разговаривал так же, как и отец. Мать мучилась, не спала ночами, утром выходила из спальни с красными и опухшими от слез глазами. Ее никто не жалел и не уважал. Она попала в собственную западню, ведя двойную жизнь: с мужем и детьми делала вид, что она примерная жена и мать, а ночью в одинокой спальне выла от тоски, надрывая себе сердце и пылая лютой ненавистью к мужу, которого прежде так безоглядно любила.

Тася для себя решила, что как только поступит учиться на журфак, тут же уйдет из дома. Она найдет работу и наконец-то станет самостоятельной и не будет больше ни от кого зависеть.

— Всё равно выйдешь замуж и сядешь полировать свои ноготки, а уж какой там диплом будет пылиться в шкафу, это без разницы, — сказал отец дочери.

Порядочная дата для беспорядка

Таисия была хороша собой. Высокая, стройная, с мягкими светлыми локонами. Невинный голубоглазый ангел с нежными губами. Только постоянный грустный взгляд заставлял знакомых недоумевать: о чём печалится эта богатая успешная девушка, которая родилась с золотой ложечкой во рту? Чего ей не хватает? Она очень много читала, любила Борхеса и Достоевского, была мечтательна, но никому свои мечты, кроме подружки Лёльки, никогда не поверяла.

Кареглазая Оля, или как ее все называли — Лёля, была из семьи научных работников, училась на одни пятерки, вела себя скромно. Все считали ее «ботаничкой» и занудой, а вот Тася нашла в ней умного и серьезного человека. Дружили они с первого класса школы, и Лёля ни разу подругу не предала, не рассказала ни одной живой душе, что знала о семье подруги и что творится в ее душе. Девчонки были горой друг за друга.

Сашка подлизывался к отцу и тот постоянно давал ему деньги. В принципе, другой добычи денег Александр не знал. Отец смотрел на него с любовью и частенько думал: «Наследник... Чего с бабья взять-то? Одна дома кашеварит, вторая вертихвосткой выросла, журналисткой она будет. Тьфу! Что за профессия? Сплетни собирать и другим сплетникам в клюве приносить. Велика заслуга! Некому бизнес будет передавать. Одна надежда — Сашка!»

Тася стала первым человеком в семье, который заметил, что с братом что-то не так. Она сообщи-

Матюша Луначева

да об этом и матери, и отцу, но они ее не слушали, списывая всё на ее нервы перед экзаменами и переходный возраст сына.

А потом к ней пристал с сексуальными предложениями старый друг отца Владимир Леонидович Сергеев. Только с Лёлей она смогла поделиться этим ужасом в свои шестнадцать лет.

— Что? Дядя Вова?! Он же со своей семьей у вас в гостях на каждый праздник! Даже я его знаю! — ахнула Лёля.

— Он... Представляешь, он так смотрит на меня! От одного только взгляда вымыться хочется. Еще трогать меня пытался. Гадости говорил! Плёл, что я ему всегда нравилась, что он наблюдал, как я взрослею, как превращаюсь в девушку! Как у меня выросла грудь. Тьфу! А его жена и сын в это время за столом сидели в гостиной и вели светские беседы! Сергеев сказал мне, что, мол, отец держит меня в строгости, в ежовом теле или рукавицах, как там? И всегда говорит только о сыне, и все свои надежды возлагает только на Сашку. А меня словно и нет... — Лицо Таси окаменело, ручки сжались в кулаки. Она продолжила, копируя «друга дома»: — А я, говорит, буду любить только тебя, моя девочка, и буду давать тебе столько денежек, сколько тебе надо. Я все тебе оплачу, ты у меня как куколка будешь, только в кровати надо будет всё отработать, но ты об этом не пожалеешь... — Кулачки разжались, она закрыла лицо и заплакала.

Порядочная дата для беспорядка

Лёля обняла ее и тоже заплакала, ей стало страшно за подругу.

— Ты маме сказала? Ты пожаловалась отцу?! Ну, кто-то должен помочь! — сказала она с отчаянием.

— Ты смеешься? Кому я здесь нужна? Мне кажется, что старинные китайские вазы и дорогие сигары для отца значат больше, чем мои проблемы.

— Просто беда, — задумалась Лёля.

— Мне никто не поверит, меня не слышат. Этот Вован очень дорог отцу, они совместный бизнес мутят. А это — святое. Я боюсь его, Лёля! Сашка говорил мне, что он бандит какой-то, что убивал людей, как мух, был отцовской крышей. Представляешь? А потом он спас жизнь отцу, и тот ему должен. Отъявленный бандит стал хозяином охранного агентства. Сейчас — уважаемый человек, а внутри как был падалью, так и остался.

— Мне страшно за тебя. Что делать? — схватила подругу за руку Лёля.

— Он не посмеет. В моем доме я под защитой. Вован просто не вылезает от нас, днюет и ночует. Как только он приходит, я уйду из дома, но не всегда это получается.

— Тасечка! Ты приходи всегда к нам! Ты же знаешь, что и я буду рада, и мои родители тоже! Мой дом — твой дом!

— Спасибо тебе, я только на тебя и могу рассчитывать! Ты моя самая дорогая подружка!

Татьяна Луначева

— И я тебя обожаю! Мне так страшно за тебя, но я ничего не могу сделать, а от этого еще страшнее.

— Ты очень много делаешь для меня, я могу тебе все рассказать и могу доверять, — обняла подругу Тася.

— Таська, ты умница и красавица. Что тебе этот козёл «дядя Вова»? У нас полкласса по тебе сохнет, точно тебе говорю! А тебе кто-нибудь нравится? — поинтересовалась подруга.

— Нет... Я их даже не замечаю, — смутилась Таисия.

— А кого ты могла бы полюбить? — загорелись глаза у подруги.

— Не знаю. Я должна это почувствовать. Как только почувствую, сразу же тебе скажу. Но он точно должен быть сильным, самым сильным. Верным, умным и, явно, не пацаном. Пусть он будет старше меня лет на пять, — создала себе идеал Таисия.

— Настолько старше?! — округлила глаза Лёля. — Двадцать один год?

— Ну да. Это нормальная разница. А ты? Так всё и дружишь с Петькой?

— Дружу. Мы целовались.

— Опа! И что?

— Ничего. А что делать? Я боюсь, что он уедет, — поделилась Лёля.

— Куда? — удивилась Таисия.

— В Англию или Америку. Ты же знаешь, что он тоже мажорчик, а у них мода учиться за гра-

Порядочная дата для беспорядка

ницей. Хотя мой папа говорит, что у них такое преподавание, как у нас в школах для слабоумных. Сплошные управленцы безмозглые. У нас же не Англия! У нас должен быть свой подход. Ну чему в той же Англии могут научить русского парня? Да ничему! Дурь курить! Привезет красивую бу-мажку, а жить-то и работать нужно будет не с бу-мажкой, а дело надо знать. Меня с собой звал, дурачок. Даже если бы у меня были деньги, я бы не поехала. Очень надо! Буду поступать на общих основаниях.

— Твердо решила на врача?

— Тверже не бывает. Ты же знаешь, что я клас-са с пятого определилась и уже не сверну с вы-бранного пути.

— Ты умная, Лёлька, ты обязательно поступишь и станешь лучшим врачом на свете.

— Ты правда так думаешь?

— Я верю в тебя! Конечно, я учусь хуже тебя и поступать буду в один из престижных вузов, отец уже определился и внес четыреста тысяч за год обучения.

— Рублей?! — ахнула Лёля.

— Ну, мы же не в Америке!

— Ого!

— Да... журналистика сейчас дорогая профес-сия, — вздохнула Тася, наматывая локон на палец.

А дальше получилось всё так, как получилось. Лёля набрала достаточное количество баллов и ста-ла студенткой медицинского института лечебного

факультета. Ее первая и очень сильная любовь Пётр по принуждению родителей был отправлен на учебу в Америку. Лёля от тоски таяла на глазах и всё время плакала. Тася не знала, чем поднять ей настроение и часто зазывала к себе в гости.

Как-то раз они заказали себе пиццу и только принялись за нее, как Лёля, вдруг закрыв рот рукой, понеслась в ванную. Тася кинулась за ней. Она вытерла подружке лицо мокрым полотенцем и заботливо усадила на диван.

— Лёля... Я, конечно, не должна это спрашивать.... Но у тебя точно ничего не было с Петром? — спросила она.

Подруга отвела глаза.

— Было... Один раз...

— Когда?

— Мы встретились перед его отъездом. Ужасный миг расставания, ты понимаешь? Я ведь могла его больше никогда-никогда не увидеть. Жизнь разводила нас. Я же люблю Петьку с первого класса, ты же знаешь. Я сама так решила, я захотела, чтобы именно Пётр стал моим первым мужчиной, ну, а я его первой женщиной. Ты думаешь, что я не понимаю? Такие, как он, никогда не женятся на таких, как я. Ему родители никогда не разрешат нам быть вместе.

— А он сам?!

— Он сказал, что любит меня и вернется. Но я не жду. Хотя надеюсь. Я узнала, что беременная больше месяца назад, срок уже восемь недель.

Порядочная дата для беспорядка

— О господи! Что же делать? А кто-нибудь знает? — Тася в ужасе прижала к щекам ладони.

— Аборт я не сделаю никогда в жизни, специально тяну время, чтобы, когда узнают, уже и мыслей ни у кого не возникло мне это предложить. Конечно, родители меня убьют, а если оставят в живых, то, значит, через семь месяцев я рожу. Сейчас об этом знаешь только ты.

— А Петру ты скажешь? Он же должен знать.

— Я не думаю, что имею право испортить ему учебу и карьеру, спутать планы на жизнь.

— Это его ребенок! Он тоже должен нести ответственность! — не соглашалась с подружкой Тася.

— Я думаю, что никто никому ничего не должен. Я сама этого захотела и, потом, я приняла решение, — осталась при своем Лёля.

— Ты успеешь окончить только первый курс. Как потом?

— Я не знаю. Если что, возьму академ. Может, всё-таки мне помогут родители, бабушка.

— Я тоже тебе чем смогу помогу, — пообещала Таисия и для начала отдала ей всю свою заначку, которую бы хватило и на кроватку, и на коляску, и на одежду, и еще на много нужных вещей.

Лёля не хотела брать, но подружка настояла:

— Мне столько денег не нужно. Учеба оплачена, промотаю. Тебе сейчас нужнее.

Таисия училась очень легко. Ребята были молодые, амбициозные, влюбленные в будущую профессию. Один раз она неслась со стопкой книг из

